

Е. К. АУЭЗОВ

К ИСТОРИИ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА РЕГИОНА АЛМАТЫ XVI – НАЧАЛА XX ВЕКОВ: МЕТАЛЛООБРАБОТКА

Значительную роль в условиях полукочевого быта и натурального хозяйства Жетысу в период XV–XIX вв. играли различные ремесла и домашние промыслы. Развитие их было обусловлено не только практическими потребностями местного скотоводческо-земледельческого населения, но и не в последнюю очередь его духовными запросами, стремлением к максимально му использованию всех возможностей для художественного оформления окружающего предметного мира.

Изучение этой области народного творчества представляет значительный научный интерес, но, к сожалению, эта тема до сих пор не являлась предметом специального исследования. Целью настоящей статьи является задача восполнить этот существующий пробел в наших знаниях и попытаться проследить состояние и динамику развития наиболее интересных видов казахского народного декоративно-прикладного искусства региона Жетысу в XV–XIX вв. При написании статьи использовался самый широкий круг источников, включая музейные коллекции.

К одному из наиболее развитых видов ремесла Северо-Восточного Жетысу в рассматриваемый период относится искусство металлообработки, имевшее древние традиции и особенности. Такому положению в известной степени способствовало богатство края залежами металлоносных руд. Так, одним из наиболее значительных центров металлодобычи на территории Старшего жуга издревле являлись горы Карагатау, разработки которых продолжались вестись казахами вплоть до рубежа XX в.¹ Имеются интересные этнографические данные о способе получе-

ния железа позднесредневековыми насељниками Алатауских гор путем выплавки его из черного шлихового песка². В Кушмуруне, у истоков Или, добывался свинец. Среди местного населения до сих пор сохранились старинные предания о существовании в верховьях рек Таласа и Чилик золотоносных копей, которые разрабатывались их предками еще в незапамятные времена.³ Еще в середине прошлого столетья в Каркаринской долине можно было встретить мастеров-зергеров, владевших секретами глазури и производства цветных стекол, имитирующих полуделочные камни, которые они получали из расплавленного кварцевого песка с добавками из различных минералов.⁴ Серебро (в виде слитков, монет) и драгоценные камни, необходимые для ювелирного производства, чаще закупались у торговцев из Средней Азии и Восточного Туркестана.

Особый интерес представляют археологические свидетельства о том, что в Алматы, Тальхире (Талгаре), Сумбе и Каялыке (Антоновском), являвшихся крупными центрами кузнецкого производства, имелась значительная прослойка ремесленников-металлообработчиков, проживающих в специализированных кварталах⁵. Есть все основания для предположения, что традиции этих городских очагов искусства металлообработки все-таки не исчезли бесследно, а лишь обрели новую почву в ставках могущественных чингизидских ханов и султанов, облюбовавших благодатный Жетысуйский край для своих постоянных резиденций. «Если в X–XII вв. наблюдалось превращение ставки, военного лагеря в город, – отмечают авторитетные исследо-

¹ Тохтабаева Ш.Д. Художественный металл казахов XVIII–XX вв. (историко-этнографическое исследование): Авт. дис. ...д.и.н. Алматы, 2005. С. 15.

² Валиханов Ч.Ч. Географический очерк Заилийского края // Сочинения. Т.1. Алма-Ата, 1985. С. 185.

³ Полевые записки авторов, далее ПЗА.

⁴ ПЗА.

⁵ Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы, 2005. С. 84–93.

ватели края, – то теперь (в XIII–XIV вв.), наоборот, город превращается в ставку»⁶.

Известно, что образование и укрепление монголистанских улусов сопровождались бурным развитием ремесел, особенно кузнечных, организацией чугунолитейных и бронзолитейных мастерских, необходимых для оснащения многотысячных армий. Уместно вспомнить и то сакральное отношение, которым традиционно окружалась фигура кузнеца как «избранника высших сил неба» в среде тюрко-монгольских кочевников. Любопытно в этой связи свидетельство Рашид-ад-Дина об обычай, бытовавшем в роду Чингизидов: «так как Дубун-ваян, супруг Алун-Гоа... состоят в соотношении с Чингисханом... то по сей причине они не забывают расплавления железа той горы (т.е. горы с железным рудником) и кузнечества, и в ночь, которая бывает первой нового года, есть такой обычай у рода Чингисханова: приводят толпу кузнецов, приготовляют наковальню и уголь, разогревают несколько железа, положив на наковальню, колотят молотком, делают полосы и изъявляют там благодарность»⁷.

О том, что отпрыски «великого потрясателя Вселенной» не забывали его священных заветов и даже сами не чурались занятия ремеслом и приучали к нему своих приближенных нойонов, мы узнаем у автора «Тарих-и-Рашиди» Мухаммед Хайдара. Эмир одного из сильнейших в Монголистане племени дулат сообщает о себе, что он «24 года находился при хане и по его позволению /упражнялся/ в словесности, поэзии и сочинении книг, и в рисовании, и в мастерстве золотых дел, и возбудил удивление народа /став мастером/ в токарном искусстве, в кузнечном деле, в дипломатике... «И во всем этом, – завершает он перечень своих достоинств, – я был учеником хана»⁸.

Подобные небольшие объединения кузнецов и ювелиров находились и при ставках первых казахских ханов, пришедших на смену монголистанским правителям Жетысу со второй половины XV века. Так, зимняя ставка хана Касыма находилась на берегу Карагата. У Мухаммед Хайдара приводятся данные, что под началом

этого умного и энергичного хана, при котором Казахское ханство достигает наивысшего могущества, находился один миллион кочевников. Если, следуя принятой в отечественной историографии методике подсчета, разделить это количество поданных на шесть, то получается, что войсковое ополчение Касыма состояло почти из 170 тысяч ратников. Это огромная цифра, даже по современным военным понятиям, и нетрудно себе представить, какое количество ремесленников и конечно же, в первую очередь, кузнецов требовалось для «материально-технического» оснащения столь значительного войска. В этой связи обращает на себя внимание существование в поздней родоплеменной структуре казахского населения Жетысу некоторых подродов, носящих весьма примечательные названия, отличающиеся своим явно выраженным «ремесленным» звучанием, как, например, «кап уста» (множество кузнецов), «зергер» (златокузнец), «ерши» (седельник), среди которых занятие производственной деятельностью наблюдалось вплоть до недавнего времени⁹. У этих групп мастеров (правда, следует отметить, уже сочетавших ремесло со скотоводством и земледелием, являвшихся основным занятием) отмечена особая закрытая система ученичества, следы существовавшей ранее профессиональной обрядности (например, обычай жертвоприношения в честь Даута Пайгамбара – покровителя всех мастеровых) и более широкая, чем у уста-одиночек, практика работы на заказ, в том числе и на выездах. На наш взгляд, вполне приемлемой и допустимой может быть догадка, что эти интересные подроды с «нетипичными» для степной традиции этническими, по всей вероятности, ведут свое происхождение от тех самых упомянутых полуцеховых корпоративных групп металлообрабатчиков средневековья, существовавших при ставках феодальных владетелей Жетысу и влившихся в более поздние времена по ряду разных причин (например, вследствие катаклизмов джунгарского нашествия, ослабления ханской власти и т.д.) в традиционную структуру казахского общества в качестве мелких родовых подразделений.

⁶ Там же. С. 146.

⁷ Рашид-ад-Дин. Указ. соч. С. 198.

⁸ Валиханов Ч. Ч. Из «Тарих-и-Рашиди»// Соч. Т.4. Алма-ата, С. 14.

⁹ Тохтабаева Ш.Ж. Указ. соч. С. 19.

Однако, как бы то ни было, главным и наиболее убедительным свидетельством непрерывности линии развития и преемственности традиций, идущих от средневековых центров металлообработки Северо-Восточного Жетысу к более позднему времени, являются предметы традиционной металлопластики казахского населения конца XVIII – начала XX вв., хорошо представленных сегодня в музейных коллекциях, изучение и сравнительный анализ которых обнаруживает много сходных черт и ассоциативных параллелей (как в художественно-технических и стилевых характеристиках, так в ассортименте и типах изделий) с пока, к сожалению, немногочисленными археологическими артефактами предыдущей эпохи.

В силу сложной специфики производства кузнецкое и ювелирное искусство носили черты профессиональной ремесленности. Своим пиром-покровителем мастера-металлообработчики считают библейского пророка Давида (Даут Пайгамбар), который по преданию был первым кузнецом на земле и изобрел кузнечные инструменты¹⁰. Разделение ремесленного труда происходило в основном по материалу: с железом работали кузнецы «ұста», «темірші», украшения производили ювелиры – «зегеры», изделия из бронзы и меди – мастера-медники «колаушы». Нередко уста, работавший в пределах одного рода, совмещал в себе все эти функции, что объяснялось большим спросом на металлическую продукцию в среде местного населения, особенно, кузнечную.

Широко востребованы были также ювелирные украшения, что обусловливалось их связью с системой народной обрядности (свадебной, родильной и т.д.), определившей на века устойчивость их форм и художественного стиля.

Свои инструменты мастера изготавливали сами, и они передавались по наследству. Среди них были: горн (дүкен, көріктің пеші), меха из бычьих и козлиных шкур (көрік), наковальня (тәс), щипцы (қыскаш), набор долот (кашау), молотки (балта), пробойники (тес кіш), напильники (егеу), рашпили (турпі), волочильные пластины с отверстиями для изготовления серебряной проволоки (сым тартыш), штампы (қалып), бура-

вы (бұрғы) и другие. Кузнецы изготавливали инструменты и для других категорий ремесленников – деревообделочников, ювелиров, камнерезов, сапожников.

«... Изготавляемые ими (казахскими кузнецами. – Авт.) наверточки, долота и огнива доведены до такого совершенства, – отмечал один исследователь XIX века, – которые по отличному качеству пользуются известностью и у русских жителей».

Из сельскохозяйственных орудий кузнецы изготавливали железные и чугунные сошки, сохи, кетмени, серпы, лопаты, ножницы для стрижки овец, топоры. Основным приемом работы кузнеца была ковка. В условиях примитивной кузницы умели плавить чугун и железо. Большого мастерства казахские уста добились в изготовлении холодного оружия – сабель, кинжалов, боевых топориков, луков со стрелами и пик.

Особой тщательностью отделки отличались предметы воинского доспеха – шлемы, панцири, кольчуги, щиты. По многочисленным фольклорным данным казахов Жетысу и их близкородственных соседей – кыргызов, одним из излюбленных доспехов батыра времен борьбы против джунгарских захватчиков являлся куяқ, изготовленный из наборных металлических пластин. С отдельными сохранившимися этими древними и интересными кочевническими воинскими защитными одеяниями сегодня можно познакомиться в фондах музеев, но что поразительно, полное и предельно точное его описание мы находим еще у Плано Карпини: «У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают тонкую полосу шириной в палец, а длиной в ладонь, и таким образом они приготовляют много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня... кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеизложенные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают через ... отверстия... Затем все это сшивается... чтобы полосы хорошо и крепко сходились вместе... И делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блестеть, что человек может видеть в них свое лицо...»¹¹.

¹⁰ ПЗА.

¹¹ Рубрук Г. Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алма-ата, 1993. С. 50-51.

С появлением огнестрельного оружия казахские кузнецы научились изготавливать фитильные ружья и небольшие бронзовые пушки (зенберек), устанавливаемые на боевых верблюдах.

Широк был и ассортимент кухонной посуды и всевозможной домашней утвари. Это медные тазики, кумганы, чаши, жаровни для обогрева жилища (шок сауыт), бронзовые светильники самой различной конфигурации (шырак) и т.п., в производстве которых казахские калаушы успешно фигурировали со среднеазиатскими медниками. Наиболее разнообразными были технические приемы, применяемые местными мастерами при декоративной отделке изделий из металлов. К их числу относились насечка серебром по железу, штамповка, ажурная резьба, профилировка, чеканка, гравировка, чернь, зернь, украшение изделий вставными цветными камнями и эмалью. Использование двух последних технических приемов исследователи относят к числу локальных особенностей ювелирного искусства края, появление которых связывается с усуньским временем. Столъ же древние традиции имеет и искусство чернения, известное местным зергерам под названием «себет» (западно-казахстанские обозначения техники черния «каралтын» или «кавказ» в Жетысу не употребительны). Известно несколько рецептов черни. Так, зергеры из племени албан готовили ее из толченой красной меди, серебра, свинца и серы, взятых в равной пропорции, разбавленных в жидкой клеевой массе, которая затем плавилась на огне, а после остывания превращалась в черновой порошок¹².

Среди предметов, сделанных из серебра или посеребренного железа, наибольший интерес по богатству и разнообразию декоративного убранства представляют женские украшения и детали конского убранства.

В казахском фольклоре одним из излюбленных поэтических образов является образ юной девушки, возглавляющей в окружении веселящихся подруг и лихих джигитов праздничную кочевку аула. Описанию ее драгоценных нарядов, как и дорогому убранству ее верхового коня, как правило, отводится в эпических сказаниях народа значительное место. Наверное, совсем неслучай-

но, что этот сюжет, но уже подчеркнутый из не-посредственных наблюдений из бытовых реалий жизни кочевников Жетысу и произведший сильное впечатление своей красочностью, нашел свое отражение в некоторых этнографических зарисовках таких известных русских художников как П.Верещагин, П.Кошаров, Н.Хлудов, работавших в крае в XIX веке.

Эти ценные источники дают наглядное представление о том, какой яркий и слаженный декоративный ансамбль являли собой в едином комплексе костюм казахской невесты и снаряжение коня, стоявшие целое состояние и входившие в ее приданое; основная заслуга в их создании, конечно же, принадлежала зергерам.

Главным элементом одежды невесты был интересный конусовидный головной убор – саукеле, одеваемый с накидкой «желек». Сшитый из дорогих сортов ткани и отороченный мехом бобра или выдры, он обильно украшался серебряными пластинами и бляшками, жемчугом, драгоценными камнями, золотыми монетами и сизиками из кораллов, общий вес которых (драгоценных и камней) в особо богатых саукеле достигал пуда. У племени джалаир «невеста одевала его только на дорогу, когда ехала к мужу, а по приезду в его дом снимала и оставалась в одном желеке»¹³.

По другим сведениям, саукеле носили и молодухи, особенно при перекочевках¹⁴. С саукеле у казахов был связан большой круг сакральных представлений, семантика которых остается во многом еще неясной, впрочем, как и вопрос происхождения этого убora. Своеобразная высокая конусовидная форма саукеле, особенности его края с лопастями, обилие разнообразного декора, а также пучок журавлиных перьев, венчающий его макушку (называемый по-казахски «каркара», с ней у жителей Кегени связана прекрасная поэтическая легенда, объясняющая этимологию одноименной альпийской долины), не без основания дали повод многим исследователям сравнивать его со знаменитым сакским кулохом из Иссыкского кургана.

Разнообразием форм и способов художественно-технического оформления отличались различ-

¹² ПЗА.

¹³ Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. Алма-ата, 1964. С. 114.

¹⁴ ПЗА.

ногого рода подвески, браслеты, кольца, серьги, застежки, пуговицы, а также амулетницы, гигиенические наборы. Среди них особое выделяются украшения, выполненные в технике филиграции, зачастую в сочетании с зерном и вставками из камней или стекла. Этот наиболее трудоемкий вид ювелирной техники известен по всему Казахстану. Однако сканые изделия (особенно серьги, подвески, заколки для волос) алматинских мастеров заметно отличаются своей стилистикой и своеобразной «воздушной» манерой от аналогичной продукции зергеров из северных и западных регионов страны, как известно, испытавших сильное влияние казанской школы филиграции, и больше тяготеют к художественным традициям Восточного Туркестана. По поводу вопроса происхождения этого стиля скани существует несколько гипотез (например, возводящего его к сунскому Китаю или даже к северофранцузской ювелирной школе, традиции которой якобы проникли в каракорумскую мастерскую через парижского ювелира Гийома Буше, плененного монголами в 1241 г. в Венгрии), однако все исследователи единодушны во мнении, что эта техника является порождением монгольской эпохи, распространившейся через ставки многочисленных потомков Чингисхана, вплоть до Византии и стран исламского Ближнего Востока. Логично предположить, что традиционные сканые приемы казахских мастеров Жетысу берут свое начало от художественного стиля филиграции, сложившегося в ставках правителей Могулистана (отсюда и черты сходства с аналогичными изделиями уйгур, некоторых групп кыргызов и узбеков Ферганы, входивших в сферу политического и культурного влияния этого улуса), старавшихся ни в чем не отстаивать от вкусов и модных веяний великоханского двора в Каракоруме.

Среди бытовавших мужских украшений следует выделить кожаные пояса, украшенные нашивными серебряными или посеребренными металлическими пластинами и бляшками – «ке-мер белдік». Изготовление наборов для таких поясов требовало отдельного и кропотливого технологического цикла. В декоре совмещались многие технические приемы.

Такое внимание к этому элементу мужского костюма далеко неслучайно и связано с поли-

семантическим значением пояса. «Белбеул адам – қадірлі кісі» (опоясанный человек – почтенный человек), – говорили казахи. Истоки этих смысловых функций имеют древние корни.

В традиционном тюрко-монгольском обществе пояс, прежде всего, служил символом личной свободы. Раб подпоясывался веревкой. Обрядовая функция пояса хорошо известна по интегризациям великих ханов: «Бату, как обычно принято среди монголов, поднялся, а все царевичи и нойоны в согласии, распустив пояса и сняв шапки, стали на колени. Бату взял чашу и установил ханское достоинство ... все присутствующие присягнули»¹⁵.

Значительный интерес с художественной точки зрения представляют металлические части конского снаряжения, которое обычно состояло из седла со стременами, узды (ременное оголовье, удила, псалии, иногда налобник и другие детали), несколько подпруг, нагрудника, потфея (подхвостника) и подков (сюда же иногда относятся и плеть). Основной тип жетысуйского седла XVIII – начала XX вв. представляет собой жесткое седло с высокими массивными луками, ведущее происхождение от седла древнетюркского времени, хорошо известного по археологическим материалам. Основной декор его в виде облицовочных, иногда сплошных обкладок обеих лук посеребренными ажурными металлическими пластинами, обильно украшенными цветным стеклом и эмалью. Этот тип седла был особенно характерен для почерка мастеров из племен албан и суан. Распространен был и другой сборный тип седла – общеказахский, т.н. «құранды ер», передняя лука которого венчалась навершием в виде рогов барана (қошқар муйиіз), обитых серебром. В орнаменте узких металлических полосок, покрывающих торцы лук этого типа седла наряду с традиционным узором в виде растительного побега встречается древний драконовидный мотив, навевающий ассоциации с сюжетно-изобразительным строем конского убора предмонгольской эпохи. Интересна была художественная отделка и стремян, отличительной чертой которых была арочная форма с широкой подножкой. Большая часть их декорирована профилировкой, ажурной резьбой и насечкой. А. Гейнс, со слов Муссы Чорманова, в 1865 году отмечал,

¹⁵ Рашид-ад-Дин. Указ. соч. С. 130.

что «юсуневские серебряники приготовляют лучше других серебряную насечку на стремена и конскую сбрую».

Исключительно богато украшались уздечки, состоящие, как правило, из двух составных удила с пеалиями в виде небольших подвижных колец или пластин, соединенных образными стержнями. Декор, украшающий серебряные накладки и бляхи узды в виде единичных или парных пальметт, листовидных и сердцевидных фигур, рогомообразных завитков, находит прямые параллели в художественном металле Жетысу предшествующих исторических эпох. Печатью художественного творчества отмечены также детали потфей, сворки, всевозможные пряжки, подвески, наременные накладки и, конечно же, плеть «камши». О полифункциональности этого предмета конского снаряжения у казахов говорит многое: камши управляет конем, ее использует баксы для изгнания злых духов, ею можно убить врага, недостойного быть убитым саблей, она охотничье оружие и т.д.

Таким образом, изложенный материал наглядно и убедительно свидетельствует о том, что в рассматриваемый период ремесла, в частно-

сти, обработка металла, играли важную роль не только в хозяйственно-экономической, но и в духовной жизни населения края. В этом отношении прикладное искусство стояло в тесной связи с фольклором, музыкой и другими областями народного творчества и в полной мере отражало художественные вкусы и эстетические взгляды народа.

Академик Н.А. Соколова

Резюме

Этнографиялық-өнертану көзқарасына сәйкес, XV–XIX ғасырлардағы Жетісудағы қазақ халқының декоративті-колданбалы өнерінің елеулі түрлерінің өзіндік ерекшеліктері мен даму динамикасы қарастырылған. Үй шаруашылығы мен қолөнер тек қана шаруашылық-экономикалық саладаған емес, сондай-ақ өлкे тұрғындарының рухани өмірінде де маңызды рөл аткарды деген корытындығының түрлі мүнделдерін анықталған.

Summary

The article retraces originality and dynamics in development of the most significant kinds of decorative – applied arts of Jetysu Kazaks in XV–XIX centuries under ethnographic and art critical point of view. One of the key notes of the article is conclusion based on the idea, that handicraft industry played an important role not only in economic but also in spiritual life of local population.